

в своей статуе всю необычность характера и действий Петра. Почти необделанная скала вместо профилированного пьедестала, монарх, увенчанный простым лавровым венком и лишенный всех атрибутов власти, стремительный взлет всадника в высоту в ту пору, когда идеал «спокойного величия» все более укреплялся в искусстве — все это было необычно и все это нарушило современные традиции монументальной скульптуры.

Державин посвятил памятнику два стихотворения (1776) — две развернутые «надписи на монумент». В первом из них — «Петру Великому» — он развил идею Ломоносова о герое-трудянце и, по примеру Фальконета, подчеркнул необычность действий Петра.

«Как раб неслыханным раченьем
Он все собою исполнял. . .
. . . . .
Ко скипетру рождены руки
На труд несродный простирал. . .
. . . . .
Лучи величества скрывая
Простым он воином служил. . .
. . . . .
Не презирал давать ответа
Своим рабам в своих делах».

Этот идеальный образ Петра должен был стать «уроком царям». Державин резко подчеркивает эту мысль в своем втором стихотворении «Монумент Петра великого»:

«Великие цари вселенны
В Петре ваш зрите образец».

* * *

В 1779 г. Державин познакомился с Н. А. Львовым и с его приятелями — В. В. Капнистом и И. И. Хемницером. Культурное влияние молодых друзей сыграло решающую роль в его творчестве, на что он и сам указывает не раз.

Благодаря дружбе с Львовым, Державин оказался в центре художественной жизни Петербурга в тот момент, когда правительство, расправившись с внутренними и внешними врагами, деятельно принялось за создание дворянской художественной культуры.

Дворяне — потребители искусства — были в массе своей глубоко невежественны и некультурны. Им была свойственна жадность дикаря, дорвавшегося до богатства — страсть к ярким, блестящим, вычурным вещам, к золоту, серебру и драгоценным камням. Эта жадность сказывалась в убранстве домов.

«Своей позолотой петербургские и загородные дворцы напоминают палатки Золотой Орды, в них не живут, а стоят на бивуа-